

**О характере общественно-экономической системы в условиях
недокапиталистического развития России**

д.э.н. проф. Филякин Ю.П.

МГТУ «МАМИ»

8 (945) 223-05-23 доб. 1316

Аннотация. Россия пока не преодолела переходный период от государственного социализма к капитализму и не вышла на цивилизованный путь построения постиндустриального общества.

Ключевые слова: «ранний», «зрелый», «поздний» капитализм, тенденции к капитализации и социализации экономики, смешанная экономика как процесс и как результат.

Вопрос о становлении новой общественно-экономической системы в России не сходит с повестки дня экономистов и социологов.

Среди них можно выделить три группы ученых. Одна считает, что переходный период от государственного социализма к капитализму еще не пройден. Так, для Е. Гайдара не столь важно, к какому капитализму переходить. Главное – сломать в России традицию восточного государства и руководствоваться глобальной традицией западного общества, «основанного в любом случае на разделении власти и собственности, легитимности последней, на уважении прав человека и т.д. Войти в это пространство, прочно закрепиться в нем – вот наша задача. Тогда и поспорим о разных моделях» [1, 41]. Следовательно, для этого автора на первом плане стоят разрушительные задачи по слову номенклатурно-социалистического общества.

Другая группа ученых считает, что Россия уже вступила на путь капиталистического развития, поэтому к ней возможно применение известных терминов: «ранний» /«манчестерский»/ домонополистический капитализм [2, 56]; «зрелый» монополистической капитализм с господством финансового капитала и финансовой олигархии [3, 9], который при В. Путине стал перерасти в государственно-монополистический капитализм, своеобразную разновидность монополистического капитализма. Если эти три стадии уже пройдены, то страна стоит перед четвертой стадией «позднего» капитализма – созданием смешанной системы западноевропейского типа. Однако возможно и упрочнение бюрократическо-олигархической системы государственно-монополистического капитализма, тем более если власти будут придерживаться концепции «идеологии - без идеологии» [4, 146].

К третьей группе ученых относятся те, кто считает, что современные производительные силы уже созрели для перехода к постиндустриальному обществу. Поэтому они накладывают на известную формационную «пятичленку» другую классификацию – разделение общества по цивилизационному признаку на три ступени: доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общество. В индустриальное общество укладывается, как известно, государственный социализм и капитализм, а постиндустриальное общество – это, в известном смысле, уже посткапиталистическое общество. О движении общества в этом направлении пишут такие ученые, как В. Иноземцев, А. Бузгалин, Г. Попов и др. В частности, по мнению Г. Попова, выход из социализма возможен только на путях постиндустриального развития. Именно с этих позиций он и критикует олигархическо-бюрократический характер российской экономики и криминальное использование в этих условиях государственной власти [5].

Итак, одни авторы изображают специфику экономического развития и власти в России с позиции будущего. Другие – с точки зрения тех возможных и чисто внешних по форме этапов развития, которые могли быть пройдены страной за последние двадцать лет. По нашему мнению, такое рассмотрение проблем периодизации развития страны лишает ее исторической конкретности, называет те периоды, которые еще предстоит пройти при соответствующих условиях. В предлагаемой периодизации не учитывается «обратный» характер социаль-

но-экономических процессов, а именно то, что переходный период идет не к капитализму от докапиталистических форм, а от социализма к капитализму и от него – к посткапиталистическому будущему. Из этого следует, что наряду с процессом достижения положительной капитализации (повышением производительности труда, развитием трудовой дисциплины, внедрением достижений научно-технического прогресса во всех сферах общественной жизни и т.д.), необходимо преодолеть две другие негативные тенденции: отрицательную капитализацию, связанную с существованием безработицы, инфляции и периодическими кризисами перепроизводства, и отрицательную социализацию, обусловленную превалированием в экономике идеологического фактора, мистики цифр, очковтирательства и политического зазнайства многих чиновников от производства, сознательно вскармливающих иждивенцев и тунеядцев.

Сложнее обстоит дело еще с одной положительной тенденцией социализма, о которой либералы не хотят вспоминать в силу их зашоренности абсолютной свободой и абстрактной демократией. Дело в том, что социализм возник впервые в государственно-террористической форме тоталитарной республики Советов, а это не входило в планы многих людей, пишущих об обществе действительно равных возможностей. За этой формой пробивало себе дорогу стремление людей к ассоциированности, коллективизму (коммунитарности). В отличие от солидарности, навязываемой «сверху» (так, например, был утвержден персональный состав Общественной палаты России), есть и другая солидарность, формируемая «снизу» по инициативе граждан. Как «я» не бывает без «мы», микроэкономика без макроэкономики, так нужна общественная координация работ в масштабе общества, в известном смысле превалирование общественного начала перед частным. Особенно в этом есть необходимость в сложное общественное время: в период экономических кризисов, войн, революций. Переходный период от социализма к капитализму относится к этому времени.

Так вот, в качестве положительной тенденции, особенно в переходный период к капитализму, который обычно длится от 2 до 5 лет, но в России может и продолжаться и столетие, следует считать усиление роли государства (под соответствующим общественным контролем) по направлениям экономической политики. С. Меньшиков даже для этих целей разработал специальную программу-минимум [3, 426], которая включает следующие пункты: установление эффективного контроля государства как собственника минеральных ресурсов страны с правом изъятия достаточно высокой доли природной ренты и ее дальнейшего перераспределения в отрасли с хроническим дефицитом собственных ресурсов для капитальных инвестиций; сохранение и развитие сильного государственного сектора в тех отраслях экономики, где частный капитал не проявляет достаточной активности (обрабатывающая промышленность), в ключевых звеньях топливно-энергетического комплекса и в отстающих сферах инфраструктуры; активное использование государственного регулирования для совместного с профсоюзами и организациями промышленников и предпринимателей выправления макроэкономических пропорций, обеспечивающих устойчивые и достаточно высокие темпы роста экономики. «Экономический механизм, вытекающий из таких реформ, - пишет автор, - обладает несомненными преимуществами перед олигархическим капитализмом... При всех условиях оптимальное соотношение между капитализмом и другими формами должно решаться в ходе их конкретного и практического соревнования, а не на основе идеологических споров» [3, 426].

Со времени разработки этой программы прошло уже восемь лет, а нынешняя авторитарно-либеральная власть, опирающаяся на государственную бюрократию, ничего не сделала для ее реализации. Почему? Можно предположить, что в переходный период государство должно усиливать свои регулирующие функции, а это положение противоречит абстрактно понимаемой либеральной доктрине, согласно которой необходимо всемерное ограничение экономических функций государства, чтобы решить насущные проблемы общества. Другая причина – резко возросший в постсоциалистической России управленческий аппарат, кото-

рый на руководящем уровне состоит из двух блоков: либерально-экономического и силового. Для экономистов усиление роли государства противоречит либеральным ценностям, и они выступают против всяких программ, которые их предусматривают, независимо от периодов развития страны и степени ее зрелости. Таким образом, нынешняя власть сама себя загнала в ловушку ортодоксального либертарианства, из которой выйти будет очень даже не просто. Что касается силового блока, то усиление государственного вмешательства видится его представителям вполне естественно, особенно по мере возрастания трудностей переходного периода и нерешенности экономических проблем. Для государственной бюрократии двух упомянутых блоков повышение роли государства даже выгодно, так как будет способствовать усилению их влияния в обществе.

На наш взгляд, признание окончания переходного периода от государственного социализма к капитализму должно сопровождаться становлением конечного этапа эволюции этого общества – смешанной экономики высокоразвитого типа. При этом следует различать эту экономику как результат долговременной эволюции капитализма и смешанную экономику как процесс при переходе от социализма к капитализму. Во втором случае речь идет о тех экономических формах, которые существуют при «зрелом» социализме (государственный монополизм, засилие чиновничества, патернализм значительной части общества, неостребованность научно-технического прогресса и т.д.) и которые следует трансформировать и перевести в свою противоположность, т.е. в смешанную экономику высокоразвитого типа. Так, очевидно, что в экономической системе такой страны, как Россия, всегда будет существовать почти весь набор современных отраслей, но в разной, так сказать, пропорции. И дело не только во внешнеэкономической ориентации страны, но и в сугубо внутренних социально-экономических условиях. Смешанная экономика и открытое общество, которое ее выражает, с самого начала ориентируются на широкие международные связи и в этом смысле в ней будут развиваться традиционные топливно-энергетические и сырьевые отрасли. Их усиление связано с глобализацией экономики и развитием международного разделения труда. Но вместе с тем усилятся блок отраслей, имеющих инновационную направленность как в сопредельных с сырьевыми отраслями (энергетическое машиностроение), так и в отраслях, определяющих современный этап развития НТП – телекоммуникации, космические и биотехнологии и т.п. Тем более, что в стране пока существует для этого интеллектуальный потенциал и навыки успешной в прошлом работы. Другое дело – сознательная топливно-сырьевая ориентация страны и раздувание торговли как линия экономической политики при почти полном забвении проблем производства конечной продукции. Такая позиция уже привела страну к необходимости неоиндустриализации, а можно было этого избежать, чтобы достойно войти в постиндустриальное общество.

Некоторые авторы предлагают сознательный выбор для России модели «конвергентной экономики», сочетающей в себе наиболее сильные стороны социализма и капитализма [4, 145]. Видимо, это сделать невозможно в «сахаровском» варианте [6, 36-37], тем более что Россия уже отошла от государственного социализма. В методологическом плане невозможно соединить лишь положительные черты двух общественно-экономических систем, потому что отрицательные черты при этом никуда не денутся, они будут существовать в «снятом» виде. Так, если под смешанным обществом понимать современный социализированный капитализм, то наивно было бы считать, что он избавит общество от экономических и финансовых кризисов, безработицы, неуверенности в завтрашнем дне и прочее, что и продемонстрировал мировой финансово-экономический кризис 2008-2009 гг. Можно предположить иной вариант конвергенции капиталистических и социалистических элементов в экономике, прежде всего для страны с переходной экономикой: дополнить лучшие черты капитализма лучшими чертами социализма (при оптимальных условиях), одновременно минимизируя отрицательные черты того и другого общественного строя. Говоря принципиально, создать идеальный общественный строй из подобного «смешения» невозможно, но необходимо минимизиро-

вать потери при полярных противоречиях в отношении собственности, а сами эти противоречия перевести в другую плоскость.

В этой связи необходимо развивать коллективную форму собственности как промежуточную между частной и государственной формами. Это может быть коллективно-кооперативная собственность, собственность некоммерческих и вообще любых общественных организаций, коллективная собственность предприятий, от которых отказались их владельцы и поэтому они были выкуплены трудовыми коллективами. Таким образом, социализация здесь идет «снизу», от предприятий, а не навязывается «сверху» тоталитарно-бюрократической элитой. Вообще для России эта проблема будет всегда актуальна, учитывая многовековые традиции издевательства над человеческой личностью в условиях царского самодержавия, «военно-феодалного капитализма» и тоталитарного государственно-партийного социализма.

У теоретиков постиндустриального общества есть еще одна версия «третьего пути» [7]. Эта концепция снимает дихотомию капитализм-социализм и означает вхождение человечества в гуманитарно-информационную цивилизацию, освобождающую человека от давящей стандартизированной индустриальной машины, создающей условия для полного раскрытия неповторимой индивидуальности каждой личности. В содержательном плане это предполагает деэлитизацию (разгосударствление) экономики и общественной жизни, деконцентрацию и опережающее развитие малого и среднего бизнеса, приоритет отраслей, работающих на удовлетворение материальных и духовных потребностей человека и др. Ориентация на создание «экономики для человека» при подчеркивании его творческого потенциала сама по себе, вне социально-экономических реалий интересна, но утопична. Достаточно взять развитие малого и среднего бизнеса, который стремится достичь состояние крупного бизнеса, а последний – стать монополистом. Теоретики постиндустриализма постоянно балансируют на грани реальности и иллюзий.

Итак, если на коллективную собственность как основное производственное отношение надстроить производные от нее отношения и экономические формы управления и трудовых отношений (включая стимулирование труда), то возможно будет перейти к созданию новой фазы общества с постпереходной экономикой. Во всяком случае такой вариант развития событий не следует сбрасывать со счета. Большая ошибка В. Ульянова (Ленина) заключается в том, что он с упорством, достойным лучшего применения, повторял как заклинание, что социализм означает живое творчество трудящихся масс, а на деле свел преобразования в отношениях собственности к повсеместному утверждению государственной формы как господствующей и, следовательно, не дал развиваться коллективному и лично-частному интересу.

Еще один аспект переходной экономики вытекает, с одной стороны, из рудиментов государственно-социалистического прошлого, где в системе социально-экономических интересов присутствовали такие явления, как местничество и ведомственность, т.е. попытка выдать локальные интересы какой-либо области или автономной республики, министерства за общенародный интерес. Но, с другой стороны, в условиях переходного периода при ослаблении роли российской государственности на этой базе расцвели пышным цветом такие явления, как семейственность, клановость, «блатёрство» и тесно связанные с ними коррупция и подмена государственных органов преступными сообществами. «Сейчас, - как пишет бывший начальник Русского бюро Интерпола В. Овчинский, - происходит некое «огосударствление мафии» – мафиозные структуры фактически стали замещать реальное руководство» [8]. Автор показывает эту связь на примере завершившегося судебного процесса по «братскому» ОПГ, за которым рейдерство, незаконный лесной бизнес, убийство, рэкет... Любопытно, что возглавлял братскую ОПГ бывший депутат от «Единой России», известный бизнесмен В. Маляков, инициатором заказных убийств был начальник УВД Братска В. Утвенко, исполнителями – милиционеры и бандиты, координатором был депутат от ЛДПР А. Загороднев.

В отличие от кланов, существующих со времен средневековья и раньше (современная версия – тейпы в Чечне), нынешние «кланы» формируются по признаку близкого родства или принадлежности к одной территории и больше похожи на новый вариант семейственности и местничества.

И. Розмаинский даже считает, что в России и сопредельных республиках сложился особый семейно-клановый капитализм, который имел место в некоторых регионах Южной Европы и Латинской Америке [9, 56-59]. В таких системах значительная часть собственности находится в частных руках, координация осуществляется в рамках разнообразных семейных и/или клановых связей. Принуждение к исполнению обязательств осуществляется либо в рамках семейно-родственных отношений, либо через соответствующие иерархические структуры преступных или теневых кланов. При этом государство не способно или не желает эффективным образом обеспечивать принуждение к выполнению контрактов, т.е. является институционально неадекватным. Периферийность, вторичность такого капитализма очевидна. Семейно-клановая ориентация экономики, обеспечение сопредельных стран нефтью и газом является определяющим фактором экономического здоровья общества, а действительные проблемы структурной перестройки и модернизации экономики отодвигаются в неопределенное будущее [10].

Не является секретом то, что главными руководителями властных структур являются представители «питерского клана», которые вышли из мэрии А. Собчака или являлись одноклассниками и сослуживцами премьер-министра и президента РФ. Подобные назначения из «своих людей» подрывает стабильность государства, вносит элементы застоя в кадровую политику, подменяет принципиальные подходы к людям назначениями по принципу личной преданности.

Выводы

Несмотря на то, что новое для России время насчитывает 20 лет, страна окончательно еще не вышла из социализма. Об этом говорят такие факты, как государственный монополизм, нерешенность проблемы собственности на средства производства, слабое развитие малого и среднего бизнеса, сращивание бизнеса с чиновниками и теневыми структурами и т.д. По уровню развития конкуренции и коррумпированности в обществе Россия занимает 150-160-е места в мире. По итоговому показателю-индексу развития человеческого потенциала страна находится в начале второй сотни. Это не просто статистический факт, но и приговор.

Таким образом, можно определить формирующееся российское общество и экономику как «ранний» слабо развитый капитализм периферийного типа с существованием квазирыночной экономики, семейно-клановых бизнес структур и остатками социализма и государственной бюрократии (номенклатуры) как правящего класса в политической и экономической системах.

Литература

1. Гайдар Е. Государство и эволюция. – М., 1995.
2. Адельфинский А. Модернизация постсоциалистической экономики: формационно-цивилизированный подход (вопросы теории). Автореферат доктора экономических наук – М. 2006.
3. Меньшиков С. Анатомия российского капитализма. - М., 2004.
4. Меньшиков С. О стадиях в развитии российского капитализма. – Вопросы экономики. 2009, № 9.
5. См. Попов Г. Проблемы выхода из социализма. – Вопросы экономики. 2006, № 4.
6. См. Сахаров А.Д. Тревога и надежда, - М., 1990.
7. См. Белл. Дж. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. –М., 1999.
8. Овчинский В. ТанDEM государства и мафии. – Московский комсомолец. 29.06.11.
9. См. Розмаинский И. Неопределенность и институциональная эволюция в сложных эко-

10. Явлинский Г. Страна периферийного капитализма. – Московский комсомолец. 15.09.2011.

Исследование перспектив высокотехнологичного развития Российской Федерации в контексте глобальных геополитических преобразований

к.э.н. доц. Платко А.Ю.

МГТУ «МАМИ»

8 (945) 223-05-23 доб. 1364

Аннотация. Россия является частью геополитической системы, и преобразования внутри страны тесно взаимосвязаны с внешними изменениями, которые оказывают сильное влияние на экономическую политику. В статье представлен анализ факторов, получающих очевидную тенденцию распространения в рамках развития мирового сообщества и накладывающих отпечаток на возможности концептуальных преобразований в нашей стране.

Ключевые слова: мировые тенденции, сценарии мирового экономического развития, перспективы развития РФ.

Перспективы технологического развития РФ необходимо оценивать, прежде всего, в контексте глобальных тенденций меняющегося мира, с учетом ряда определяющих факторов, используя метод сценарного моделирования.

Исследование авторитетных источников [1-9] позволили сфокусироваться на следующих основных сценариях мирового экономического развития и определить потенциально возможные направления развития для отечественной экономики в целом и промышленности в частности.

Многообразие внешних факторов, которые окажут значительное влияние на поведение всех экономических субъектов, в том числе и в России, можно свести к шести.

1. ПЕРЕХОД К НОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИОННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ.

Глубинные трансформации мирохозяйственных связей происходят из-за сдвигов спроса и предложения, обусловленных изменением экономического влияния и переносом потоков капитала в зоны Азии, Персидского залива и Россию. Данные изменения можно охарактеризовать как дисбаланс, влекущий за собой стремление мировой системы к новому уровню равновесия и соответствующему перераспределению экономических и политических сил. Взаимопроникновению капитала способствует усиление ПИИ (прямых иностранных инвестиций) в активно развивающиеся страны, в частности в страны БРИК (Бразилию, Россию, Индию и Китай), а также один из новых финансовых инструментов – создание ГИФов (государственных инвестиционных фондов). За последние пять лет количество стран с ГИФаами выросло более чем в десять раз. Сохранение данной тенденции приведет к тому, что упомянутые фонды будут контролировать приблизительно пятнадцать триллионов долларов, что превысит общие бюджетные резервы и объединит средства двадцати процентов мирового населения [1, с.37].

Кроме того, перераспределение влияния ведущих мировых игроков напрямую связано с изменением динамики величины ВВП (рисунок 1).

Следует обратить внимание на то, что в лучшем положении оказываются страны, отказавшиеся от нерегулируемого рынка и осуществляющие государственный контроль над промышленной политикой. В настоящее время проявляется тенденция сокращения темпов приватизации и возрождения государственных предприятий (ГП) и госзаказов. Прогнозируется повышенный интерес к ГП и усиление притока ПИИ, в связи с обеспеченностью их капитальными ресурсами государственного накопления и возможностью страхования от рисков.